

На правах рукописи

ГРИЩЕНКО Александр Игоревич

ИДИОСТИЛЬ НИКОЛАЯ МОРШЕНА

Специальности 10.02.01 – русский язык

10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

**Москва
2008**

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Московского педагогического государственного университета

Научные руководители:

кандидат филологических наук,
профессор НИКОЛИНА Наталия Анатольевна

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор АГЕНОСОВ Владимир Вениаминович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
доцент ГЕЙМБУХ Елена Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент ПАВЛОВЕЦ Михаил Георгиевич

Ведущая организация:

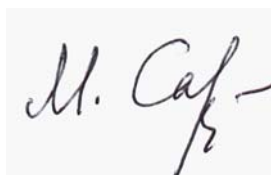
Литературный институт имени А.М. Горького

Защита диссертации состоится «16» марта 2009 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.07 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, ауд. № 305.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского педагогического государственного университета по адресу: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1.

Автореферат разослан «05» февраля 2009 года.

Учёный секретарь
Диссертационного совета

САРАПАС М.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема нашего диссертационного исследования «Идиостиль Николая Моршена» относится, с одной стороны, к области лингвистической поэтики, с другой — к истории литературы, так как мы обращаемся к недостаточно изученному в отечественном литературоведении материалу — художественному миру поэта «второй волны» эмиграции Н. Моршена. Таким образом, наша работа имеет *два равнозначных аспекта*: как *лингвистический*, так и *литературоведческий* — каждый традиционно со своими методологическими подходами, которые мы синтезируем при анализе художественного текста, придерживаясь того понимания предмета и задач лингвистической поэтики, которые предложил В.П. Григорьев: «Предметом л<ингвистической> п<оэтики> следует считать творческий аспект языка в любых его манифестациях <...> Л<ингвистическая> п<оэтика> — это двуединая (если угодно — “четвероединная”) дисциплина на стыке я<зыкознания>, л<итературоведения>, “я<зыковой> к<ритики>” и л<итературной> к<ритики>»¹.

Актуальность диссертации определяется давно назревшей необходимостью объективного исследования литературы русской эмиграции «второй волны» в целом и творчества Н. Моршена в частности. Имеющиеся в нашем распоряжении работы, посвящённые творчеству поэта, несмотря на свою значимость и глубину, тем не менее не претендуют на детальный анализ большей части его произведений. Кроме того, исследования языка русской поэзии XX в. оказываются неполными без привлечения малоизученного материала поэзии «второй волны» эмиграции, в особенности авангардных направлений, в которых особую роль играет эксперимент со словом, языковая игра и обилие интертекстуальных связей. Совместная плодотворная работа исследователей эмиграции «второй волны» может скорректировать наши представления о развитии русской литературы и её языка в целом.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые комплексно проанализирован идиостиль Н. Моршена, в т.ч. (1) все поэтические новообразования поэта, принципы их создания и употребления; (2) литературные аллюзии, цитаты и их функционирование, художественная значимость в поэзии Н. Моршена. Кроме того, впервые проанализированы (3) практически все работы литературно-критического и исследовательского характера, посвящённые Н. Моршену. Следует также отметить, что и литература «второй волны» эмиграции в целом, и творчество Н. Моршена в частности недостаточно изучены. Единственный известный нам писатель «второй волны», о творчестве которого в последние годы в России защищаются отдельные диссертации, — это прозаик Леонид Ржевский. Больше внимания уделяется писателям «перво-второй» волны²: появились диссертационные исследования, посвящённые творчеству сказочницы Ирины Сабуровой и поэта Игоря Чиннова. О творчестве Н. Моршена нам известна только одна англоязычная диссертация — Джона

¹ Григорьев В.П. Поэтика слова (на материале русской советской поэзии). — М.: Наука, 1979. — С. 58.

² Так мы позволим себе называть поток эмигрантов, до Второй мировой войны живших в Прибалтике (или даже родившихся там) и вынужденных эмигрировать после присоединения Прибалтики к СССР. Традиционно их относят к «первой волне», указывая, однако, что это послевоенная эмиграция.

Марка Скотта-младшего (The Muted Lyre of Russian Emigré Poetry. Nikolai Morshen. Pittsburgh, 1978). Отдельного диссертационного исследования на русском языке, целиком посвящённого Н. Моршену, до сих пор не было. Особая глава о поэзии Н. Моршена представлена в диссертации А.С. Урюпиной³. Все указанные работы носят сугубо литературоведческий характер, при этом язык художественной литературы русского зарубежья практически не исследован.

Объектом настоящего исследования является *идиостиль* Н. Моршена *как динамичная, развивающаяся система*. В своей работе мы исходим из неприемлемости противопоставления понятий идиостиля в языкознании идиостилю в литературоведении. Наши наблюдения над языком писателя непременно предполагают и эстетические выводы, статистика становится одним из самых точных инструментов для изучения художественного мира писателя. Идиостиль, по нашему мнению, есть *неотъемлемая составляющая художественного мира писателя: это система индивидуальных особенностей автора как художника слова в их языковом выражении; это способ отражения и преломления в художественной речи фактов внутреннего мира конкретного писателя — носителя языка в конкретный исторический период*.

Предмет исследования в нашей работе охватывает не весь идиостиль Н. Моршена (объём и задачи кандидатской диссертации не позволяют проанализировать его во всей полноте), но два его ключевых, с нашей точки зрения, компонента: *1) словотворчество* поэта и смежные с ним явления, *2) интертекстуальность* — как наиболее яркие проявления авторской индивидуальности, отчётливо отражённые в языке поэта (о чём писало большинство критиков и исследователей творчества Н. Моршена) и рассматриваемые нами в историческом ракурсе.

Материалом исследования служит корпус текстов Николая Моршена, представленный в самом полном на сегодняшний день собрании его стихотворений — впервые вышедшей в России благодаря проф. В.В. Агеносову книге поэта «Пуще неволи»⁴, в которой содержится *5 145 стихотворных строк* (23 197 словоупотреблений), из них нами в первую очередь проанализированы все 187 оригинальных (непереводных) стихотворений поэта (17 662 словоупотребления).

Целью исследования является системное описание таких компонентов идиостиля, как словотворчество и интертекстуальность, которые представляются наиболее значимыми аспектами художественного мира Н. Моршена.

Данная цель определила следующие **задачи** работы:

1) проанализировать по возможности всю имеющуюся литературу о Н. Моршене, распределив её в том порядке дискурсов и жанров, который, на наш взгляд, соответствует степени вхождения творчества Н. Моршена в культурно-информационное пространство сначала Русского Зарубежья, затем России: литературная критика, иноязычные исследования западных славистов, русскоязычные исследования, в которых творчеству Н. Моршена уделяется основное внимание, русскоязычные исследования, целиком посвящённые твор-

---

³ Урюпина А.С. Небарокко в поэзии русского зарубежья 1960-80 годов: Дисс. ... к.филол.н. по спец. 10.01.01 «Русская литература». — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. — С. 145-175.

⁴ [Моршен Н.Н. Пуще неволи. Стихи / Сост., предисл. В.В. Агеносова — М.: Советский спорт, 2000.](#)

честву Н. Моршена, и работы о Н. Моршене, вошедшие в словари и справочники, в вузовские и школьные учебники;

2) определить художественную значимость в идиостиле Н. Моршена словотворчества, фразеотворчества (индивидуально-авторских трансформаций фразеологических единиц) и интертекстуальности;

3) определить состав словаря новообразований Н. Моршена;

4) выявить основные тенденции в развитии словотворчества Н. Моршена и описать функционирование новообразований в раннем, зрелом и позднем периодах творчества поэта;

5) проанализировать способы образования окказиональных слов в идиостиле Н. Моршена;

6) выявить в идиостиле Н. Моршена интертекстуальные элементы различного уровня и происхождения;

7) выявить принципы, цели и причины цитации в идиостиле Н. Моршена, в том числе сравнительно с русскими поэтами XVIII–XX вв. (главным образом — Ф. Тютчевым): сходства, различия, преемственность, новаторство;

8) определить место творчества Н. Моршена в литературе русского зарубежья «второй волны».

В соответствии с целью и задачами исследования в работе применялись различные **методы анализа**: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, структурный, биографический, методы лингвистического анализа художественного текста (в т.ч. метод непосредственного наблюдения), элементы статистического метода.

Методологической и теоретической основой настоящей диссертации стали работы по общим проблемам лингвистической поэтики В.В. Виноградова и В.П. Григорьева, по вопросам исследования творчества Н. Моршена — С.А. Карлинского, Ю.В. Линника, В.В. Агеносова, по теории словотворчества — Г.О. Винокура, А.Г. Лыкова, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, по теории интертекстуальности — М.М. Бахтина, З.Г. Минц, Ю.М. Лотмана, Н.А. Кузьминой, Н.А. Фатеевой, по стиховедению — М.Л. Гаспарова, И.П. Смирнова.

Теоретическая значимость диссертационного исследования связана с тем, что в нём 1) определяется продуктивность синтеза двух филологических подходов к произведению художественной литературы — лингвистического и литературоведческого; 2) демонстрируются возможности статистического метода при анализе художественного мира писателя; 3) уточняются механизмы образования окказиональных слов; 4) рассматриваются такие малоизученные теоретические проблемы интертекстуальности, как взаимодействие сегментной и суперсегментной цитации, ритмико-интонационная и грамматическая адаптация, возникающая при цитировании; 5) намечена типология поэтических идиостилей по степени проявленности в них индивидуально-авторского начала.

Практическая значимость нашей работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания в вузе при разработке курсов «Русская литература XX века», «Филологический анализ текста», «Современный русский язык: словообразование», а также спецкурсов «Поэзия “второй волны” эмиграции», «История литературной критики русского зарубежья», «Словотворчество в русской литературе» и спецсеминаров по про-

блемам интертекстуальности; при работе над научным изданием собрания сочинения Н. Моршена. Выявленные и прокомментированные нами новообразования Н. Моршена могут быть использованы и в лексикографической практике, например при составлении словаря авторских неологизмов в русской поэзии XX в. или при подготовке толковых словарей современного русского литературного языка, куда по недосмотру составителей не попадают многие якобы потенциальные слова, широко используемые в русском языке XX в.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Поэзия Н. Моршена принадлежит к авангардному течению литературы русского зарубежья «второй волны».

2. В художественном мире Н. Моршена царит культ Слова, в котором утверждается единство природы и языка на основе изоморфизма процессов, происходящих в генных и речевых структурах.

3. Авторская актуализация внутренней формы слова в идиостиле Н. Моршена является одним из следствий открытого им «закона взаимоотношения слов», связанного с идеей изоморфизма природных и языковых явлений.

4. Экспериментальность в творчестве поэта возрастает от раннего периода творчества к зрелому, а затем стабилизируется в позднем творчестве поэта.

5. Словотворчество является одной из доминант идиостиля Н. Моршена и выражением философских идей поэта, которые часто не выявляются без анализа его поэтических новообразований.

6. Со словотворчеством в идиостиле Н. Моршена неразрывно связаны такие явления, как лексическая и фразеологическая трансформация, функционирование лексико-синтаксических окказионализмов.

7. Ведущую роль среди нетрадиционных способов словообразования в идиостиле Н. Моршена играет контаминация, являющаяся наглядным воплощением «закона взаимоотношения слов».

8. Важной особенностью идиостиля Н. Моршена является насыщенность его текстов цитатами, аллюзиями, реминисценциями, то есть разнообразие интертекстуальных связей.

9. Центонность как разновидность интертекстуальности представляет собой конструктивную особенность художественного текста, состоящую в преднамеренном соединении разнородных интертекстуальных фрагментов в одно целое, причём центонный текст состоит не только из «чужого», но и всегда из определённого количества «своего слова», которое может быть представлено как сегментными, так и суперсегментными единицами.

10. При включении цитаты в поэтический текст происходит её ритмико-интонационная адаптация, то есть приспособление на суперсегментном уровне, сопровождаемое изменением стихотворного размера, паузации, рифмовки, мелодического контура и т.д.

11. Среди источников цитат Н. Моршена особое место отводится поэзии Ф. Тютчева, что свидетельствует о развитии в творчестве поэта тютчевской традиции философской лирики.

12. И новообразования, и интертекст выполняют в идиостиле Н. Моршена прежде всего текстообразующую функцию, выступая в роли осознанных поэтических приёмов.

В ходе **апробации** основные положения диссертации были изложены в докладах и обсуждались на двух международных конференциях (Третьи международные Бодуэновские чтения: «И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания», Казань, 23-25 мая 2006 г.; Первая международная конференция «Фразеология и когнитивистика», Белгород, 4-6 мая 2008 г.), на двух конференциях молодых учёных МПГУ «Филологическая наука в XXI веке: Взгляд молодых» (первой и третьей — ноябрь 2002 и 2004 гг. соответственно) и на Шестых Кирилло-Мефодиевских чтениях «Славянская культура: Истоки, традиции, взаимодействия» (ГосИРЯ совместно с МПГУ, 18 мая 2005 г.). Кроме того, нами были проведены семинары на тему «Поэзия Николая Моршена» в рамках курса «Русская литература XX века» на филологическом факультете МПГУ; примеры из поэзии Н. Моршена были использованы нами в курсе лекций по русскому языку и культуре речи на факультете педагогики и методики начального образования Московского гуманитарного педагогического института.

Содержание диссертации нашло отражение в десяти печатных работах общим объёмом 4,1 п.л.

Структура диссертации соответствует логике научного исследования, обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Общий объём работы — 348 страниц. Библиография включает 267 наименований, в том числе 19 источников (художественная литература) и 29 справочных изданий (словари и грамматики).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** рассматривается актуальность и новизна настоящего исследования, формулируются его цели и задачи, определяется объект и предмет, материал и методы исследования, характеризуются теоретическая и практическая значимость результатов работы, а также приводятся биографические сведения о Н. Моршене, опирающиеся на скупую фактическую информацию из различных статей и воспоминаний о поэте, из устных сообщений и частной переписки людей, общавшихся с ним.

В **первой главе** «Литературно-критическая и филологическая рецепция творчества Николая Моршена» анализируются практически все работы, обращённые к творчеству Н. Моршена (за исключением нескольких статей, отсутствующих в библиотечных фондах Москвы). § 1 «Творчество Н. Моршена в зеркале литературной критики русского зарубежья и России 1950–2000-х гг.» посвящён анализу высказываний литературных критиков о поэзии Н. Моршена — от отдельных реплик в статьях, обзорах, письмах до целых аналитических статей. Первые выступления Н. Моршена в печати были поддержаны в 1950 г. мэтром русской эмиграции Г. Ивановым, сравнившим поэта с его «более удачливыми товарищами», прежде всего, с И. Елагиным⁵. Выход каждой из книг Н. Моршена был отмечен несколькими рецензиями: «Тюлень» (1959) — отзывами [И. Одоевцевой](#), Г. Струве и Л. Алексеевой, «Двоеточие»

---

⁵ Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. — М.: Согласие, 1993. — С. 584.

(1967) — С. Карлинского, Я. Горбова, И. Чиннова и Б. Нарциссова (пятая рецензия не подписана). Особый интерес представляет рецензия С. Карлинского, увидевшего главную заслугу Н. Моршена в том, что «стены русской поэзии раздвинулись»⁶. За несколько лет до выхода третьей книги стихов Н. Моршена «**Эхо и зеркало (Идееподражание и дееподражание)**» (1979) появилась первая обобщающая работа о творчестве поэта — «статья-анализ» Б. Нарциссова «Под знаком дифференциала»⁷, в которой впервые была обозначена периодизация творчества Н. Моршена, определён вектор развития художественного мира поэта — от переживания непосредственно данных чувственных впечатлений до настоящего культа Слова-Логоса. На выход книги «Эхо и зеркало» отозвались Ю. Иваск, анонимный рецензент в журнале «Континент», Б. Филиппов, решивший обозреть всё творчество поэта, И. Вайль.

Знакомство широкого российского читателя с поэзией Н. Моршена началось с публикации в «Новом мире» (1989, № 9) подборки его стихов (а также В. Перелешина и И. Чиннова), сопровождаемой очерком «Дань живым» Е.В. Витковского. Стихи Н. Моршена несколько раз публиковались в России в 1990-х гг. и обычно сопровождались небольшим очерком его жизни и творчества: в альманахе «Рубеж» (Владивосток, 1995, № 2), в антологиях «Вернуться в Россию — стихами...» (М., 1995; сост. В. Крейд), «Строфы века» (М., 1995; сост. Е. Евтушенко) и «Мы жили тогда на планете другой...» (Т. 4. М., 1997; сост. Е. Витковский) и в журнале «Знамя» (1999, № 8; публикация В.В. Агеносова). Итоговые книги Н. Моршена «**Собрание стихов**» (1996, подгот. О. Раевской-Хьюз) и «**Пуще неволи**» (2000) были отрецензированы [Е. Витковским](#), А. Либерманом, [О. Дарком](#) и А. Грищенко. Памяти поэта посвящены воспоминания [В. Синкевич](#) и [И. Толстого](#).

По степени «приближения» авторов к поэзии (и личности) Н. Моршена вся масса зареферированного нами материала была разделена на три группы: 1) работы, *целиком* посвящённые Н. Моршену, 2) *обзорные* работы, в которых Н. Моршену *уделено особое внимание*, и 3) работы, в которых он только *упоминается*, но упоминания эти с какой-либо стороны *характеризуют его творчество*. Всего в данном параграфе нами рассмотрено 59 источников (34-х авторов), представленных жанрами предисловия, вступительного и сопроводительного очерка, рецензии, обзора текущей литературы, эссе и очерка, аналитической статьи, эпистолярным и мемуарным жанрами, некрологом, интервью, публицистическими статьями, радиопередачами. В привлечённых работах складывалось то «общее» мнение о Н. Моршене, которое, безусловно, повлияло на научное изучение его творчества, хотя это мнение и не было единодушным.

В § 2 «**Творчество Н. Моршена в иноязычных исследованиях 1970–1990-х гг.**» проанализированы уже собственно научные работы. Писатели русского зарубежья (особенно «второй волны») оказались объектом научного осмысления западных филологов раньше, чем отечественных, тогда как русские исследователи-эмигранты были, как правило, сами активно включены в литературный процесс и выступали преимущественно в жанрах литературной крити-

⁶ [Карлинский С. Н. Моршен. Двосточие // Новый Журнал. 1967. № 88.](#) — С. 298.

⁷ [Нарциссов Б.А. Под знаком дифференциала. Поэзия Николая Моршена // Новый Журнал. 1976. № 125.](#) — С. 135-144.

ки. Среди англоязычных работ нами особо выделены две статьи С. Карлинского: «Моршен, или Каноэ, плывущее в бессмертие»⁸ и «Моршен после “Эха и зеркала”»⁹. Американский исследователь особое значение придаёт динамизму, постоянному развитию художественного мира Н. Моршена, а среди наиболее характерных его черт выделяет словотворчество и цитатность (интертекстуальность). Важной у Н. Моршена С. Карлинскому также представляется тема взаимоотношений природы и человека, природы и поэзии, что выражено формулой «поэзия равна природе, равной поэзии (poetry equals nature equals poetry)»¹⁰. Сравнивая языковую игру поэта с экспериментами как русских футуристов (прежде всего, В. Хлебникова), так и М. Цветаевой, С. Карлинский проводит между ними границу в глубинном характере самих экспериментов (к ним в целом он применяет термин А. Ремизова «вербализм»): «Использование ими [В. Хлебникова и М. Цветаевой – А.Г.] “вербализма” было дионисийским и интуитивным, его [Н. Моршена – А.Г.] — аполлоническим и пропущенным через разум, сведущий в математике, кибернетике и современной теории вероятности»¹¹.

Среди немецких исследователей первым на Н. Моршена обратил внимание В. Казак, опубликовавший статью о поэте¹², в которой охарактеризовал два периода его творчества: ранний (книги «Тюлень» и «Двоеточие») и зрелый (книга «Эхо и зеркало»). Так, словотворчество и игра слов в «Эхе и зеркале», по мнению В. Казака, носит довольно серьёзный характер: поэт использует их для выявления нового смысла слов, открывающего новый взгляд на мир.

Вторым литературоведом, писавшим о творчестве Н. Моршена по-немецки, был В.М. Сечкарёв. Его статья «Естественная наука и поэзия»¹³ представляет собой одно из основных исследований о творчестве Н. Моршена, в котором поэту даётся очень высокая оценка. Исследователь считает, что в поэзии Н. Моршена всего три большие темы: первая — это поэзия и её материал (слово, стих, язык), вторая — это природа, третья — «наука о природе (die Wissenschaft von der Natur) (и прежде всего эволюции)»¹⁴. Основной пафос статьи В. Сечкарёва — это синтез в творчестве Н. Моршена естественной науки и поэзии, осуществляемый посредством Слова — и это «поэтическое Слово — язык, которому поэт приписывает почти мистические свойства, способность разрешать загадки мироздания, космоса, его гармонии и дисгармонии»¹⁵.

Творчеством Н. Моршена занимается также нидерландский славист Я.П. Хинрихс, автор книги «Ссылная муза» (Verbannen muze, 1990), который очень высоко ставит его поэзию: «Это автор маленьких шедевров, которые написаны с большой тщательностью и, несмотря на свою сравнительно малую известность как у русских читателей поэзии, так и у славистов, должны быть

⁸ *Karlinsky, Simon*. Morshen, or a Canoe to Eternity // *Slavic Review*, Vol. 41, No. 1, 1982. — P. 1-18.

⁹ *Он же*. *Morshen after Ekho i Zerkalo* // *Культура русского модернизма: Статьи, эссе, публикации. В приношение В.Ф. Маркову. М., 1993. — С. 165-172.*

¹⁰ *Он же*. Morshen, or a Canoe. — P. 17.

¹¹ Там же. — P. 11.

¹² *Kasack, Wolfgang*. Nikolaj Morschen // *Osteuropa*. Februar 1981. — S. 151-154.

¹³ *Setschkareff, Wsewolod*. *Naturwissenschaft und Poesie: Bemerkungen zur Dichtung Nikolai Moršens* // *Die Welt der Slawen*, 27, 1982, No. 2. — S. 234-261.

¹⁴ Там же. — S. 236.

¹⁵ Там же. — S. 252.

причислены к высшим достижениям русской поэзии этого столетия»¹⁶. Кроме того, по мнению исследователя, именно в творчестве Н. Моршена «эмигрантская поэзия впервые получает значительную экспериментальную составляющую»¹⁷.

Наконец, энциклопедические сведения о жизни и творчестве Н. Моршена впервые появляются именно в зарубежных изданиях: в академическом «Справочнике русской литературы» (Handbook of Russian Literature) В. Терраса (1985) и во втором издании «Лексикона русской литературы XX века» В. Казака (1986).

В § 3 «Творчество Н. Моршена в русскоязычных исследованиях 1970–2000-х гг.: работы частного характера» прослеживается, как творчество поэта начало входить в историю русской литературы — сначала через беглые упоминания его имени в обзорных работах, затем — в небольших по объёму статьях о творчестве самого Н. Моршена. Здесь нами рассмотрены работы В.Ф. Маркова, статьи в сборнике «Русская литература в эмиграции» (1972), исследования Л.Д. Ржевского, Л.С. Флейшмана, Г.П. Струве, М. Крепса, О.Н. Михайлова, В.В. Агеносова, В.А. Зайцева, Н.А. Кожевниковой, Н.А. Николиной, В.А. Синкевич и А.С. Урюпиной. Данные работы русских эмигрантских (1970–1980-х гг.) и отечественных (1990–2000-х гг.) исследователей в подавляющем большинстве носят историко-литературный характер, в меньшей степени — теоретико-литературный (с привлечением материала поэзии Н. Моршена). Обращение к языковым особенностям поэзии Н. Моршена наиболее существенно в статье Л.С. Флейшмана «Несколько замечаний к проблеме литературы русской эмиграции» (1981) и в статьях Н.А. Николиной, в целом же данная проблематика остаётся совершенно не изученной.

§ 4 «Творчество Н. Моршена в русскоязычных исследованиях 1980–2000-х гг.: обобщающие работы» посвящён анализу, во-первых, монографических глав о поэзии Н. Моршена в более широких исследованиях, во-вторых, отдельных статей о поэте, отличающихся объёмом изложения, глубиной постижения и степенью обобщения материала. Особую значимость в изучении творчества Н. Моршена имеет статья Ю.В. Линника. По его мнению, поэзия Н. Моршена диалогична, антиномична и демонстрирует существующий в мире изоморфизм материи и языка: «Законы сохранения, основанные на симметрии; двойная нить ДНК; структура диалога, — на совершенно различных уровнях бытия мы видим осуществление одних и тех же диалектических начал. Отсюда изоморфизм этих уровней; таинственные параллели, переклички между ними»¹⁸. Исходя из этого, Ю.В. Линник предлагает необычную, но довольно убедительную интерпретацию принципов моршеновского словотворчества: «...смещения и комбинации слов у поэта напоминают некоторые генетические процессы», а «некоторые технические приёмы поэта можно описывать в терминах генетики»¹⁹.

---

¹⁶ Hinrichs, Jan Paul. Verbannte Muse: zehn Essays über russische Lyriker der Emigration. — München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1992.— S. 111.

¹⁷ Там же. — S. 119.

¹⁸ [Линник Ю.В. Поэзия Николая Моршена // Грани. 1994. № 171.](#) — С. 154.

¹⁹ Там же. — С. 150.

Обобщающей работой о поэзии Н. Моршена стала глава [«Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах...» в монографии В.В. Агеносова «Литература Russkogo зарубежья» \(М., 1998, С. 442-456\)](#) — первое российское издание, в котором в особый раздел выделена литература «второй волны» эмиграции. Здесь творчество Н. Моршена впервые включено в контекст литературного процесса, созданного авторами «второй волны» эмиграции.

А.С. Урюпина в своей диссертации (см. выше) выдвигает гипотезу о принадлежности некоторых эмигрантских поэтов (в т.ч. Н. Моршена) к такому стилевому направлению, как необарокко. Исследовательница считает, что «Моршен — самый смелый поэт-экспериментатор среди своих современников», а из черт, характерных для барокко, ему «присущи <...> дидактизм и риторическая установка»²⁰.

В параграфе также рассмотрены обобщающие статьи о творчестве Н. Моршена В.П. Бетаки и Л. Бельской.

В § 5 «Творчество Н. Моршена в российских учебниках и энциклопедиях» обозревается справочная и учебная литература, в которой освещается жизнь и творчество поэта: это библиографический словарь «Русские писатели, XX века» (М., 1998 и 2005; под ред. Н.Н. Скатова), биографический словарь «Русские писатели 20 века» (М., 2000; сост. П.А. Николаев), «Словарь поэтов русского зарубежья» (СПб., 1999; под ред. В.П. Крейда), энциклопедический словарь-справочник С.И. Чупринина «Новая Россия: мир литературы» (М., 2003), а также школьный учебник для 11 класса «Русская литература XX века» под ред. В.В. Агеносова.

В данной главе проанализированы работы более 50 авторов, которые пришли к следующим основным выводам: 1) поэзия Н. Моршена принадлежит к числу вершинных достижений русской эмигрантской литературы, более того — к числу значительных явлений русской поэзии XX в. в целом; 2) творчество Н. Моршена претерпело различные изменения: одни авторы называют их резкой ломкой голоса, другие — поэтапной эволюцией, — но в одном все критики и исследователи солидарны: 3) развитие художественного мира Н. Моршена шло по пути усложнения, по пути возрастания экспериментального начала (которое также оценивается по-разному); 4) основные темы творчества Н. Моршена: бессмертие человека, природа в единстве с человеком, эволюция, наука, поэзия, слово; 5) к числу отличительных черт поэзии Н. Моршена относятся словотворчество и высокая степень цитатности; 6) поэзия Н. Моршена диалогична и открыта разнообразным интертекстуальным связям.

Во **второй главе** «Словотворчество и фразеотворчество в идиостиле Николая Моршена» предпринята попытка всестороннего анализа новообразований Н. Моршена как системы не только языковой, но и художественной. § 1 «Словотворчество как одно из проявлений “культы Слова” Н. Моршена» посвящён обоснованию выбранного аспекта идиостиля поэта. Словотворчество Н. Моршена определяется всем его художественным миром, «где рядом Планк и Блок», — в особенности воцарившимся в этом мире (начиная с «Двоеточия») и утвердившимся (в «Эхе и зеркале») культом Слова.

---

²⁰ Урюпина А.С. Указ. соч. — С. 173, 149.

В § 2 «Разграничение узуальных слов и новообразований. Разграничение потенциальных и окказиональных новообразований» в самом общем виде представлена история изучения новых слов в отечественной науке (Н.В. Крушевский, Г.О. Винокур, Н.И. Фельдман, Э.И. Ханпира, В.В. Лопатин, А.Г. Лыков, Е.А. Земская и др.). Для нашего исследования мы посчитали целесообразным провести чёткие границы между словами *узуальными* (зафиксированными в словарях, в т.ч. диалектных и исторических) и *новообразованиями* (не зафиксированными в словарях, даже если они широко представлены в речи), которые, в свою очередь, делятся на слова *потенциальные* (не нарушающие словообразовательной системы русского языка и как правило не обусловленные контекстом употребления) и *окказиональные* (нарушающие системность и обусловленные преимущественно контекстом).

В § 3 «Функционирование слов с левыми элементами *полу-* и *пол-* в идиостиле Н. Моршена» выявленные лексемы рассматриваются в качестве примеров того, как один и тот же формант (или несколько связанных друг с другом формантов) могут участвовать в образовании слов как узуальных, так и потенциальных и окказиональных. Представлены различные точки зрения на элементы *полу-* и *пол-* в русском языке (академических словарей и грамматики, А.А. Зализняка, Н.М. Шанского, И.А. Мельчука и др.) и сделан вывод об их многозначности и различной категориальной квалификации. Всего в текстах Н. Моршена нами зафиксировано 33 употребления (30 лексем) с левыми элементами *полу-* и *пол-*. Их коэффициент частотности (КЧ) был сопоставлен с соответствующими КЧ в выборках из стихотворных книг Н. Гумилёва и О. Мандельштама и КЧ по данным «Частотного словаря русского языка» (1977) (хотя за пределами словаря остались стихотворные тексты). В количественном аспекте пристрастие Н. Моршена к словам с левыми элементами *полу-* и *пол-* очевидно, оно сильно превышает показатели по данным «Частотного словаря» (т.е. среднеязыковые показатели — более чем в 3 раза) и нашим подсчётам в текстах Н. Гумилёва (почти в 2 раза), но уступает показателям по нашим подсчётам в текстах О. Мандельштама (в 1,5 раза). Из них 12 новообразований рассмотрены особо. анализ семантики и синтагматики новообразований с первой частью *полу-/пол-* у Н. Моршена позволил сделать следующие выводы: **1)** элементы *полу-* и *пол-* в составе сложных слов пересекаются не только в узуальном значении ‘половина’, но и в окказиональном значении ‘почти’, поэтому дальнейшее их исследование перспективно именно в сопоставлении их друг с другом; **2)** в поэтическом тексте новообразования с *полу-* экспрессивней мотивирующих их слов; **3)** семантика слов с *полу-* во многом зависит от контекста (эксплицируется либо имплицуется контекстом); **4)** элемент *полу-* в зависимости от контекста может функционировать и как морфема, и как отдельное слово (аналитическое прилагательное, качественное наречие, повторяющийся разделительный союз); **5)** модель новообразований с *полу-* продуктивна в идиостиле Н. Моршена и в нескольких случаях приводит к появлению окказиональных слов, а также участвует в языковой игре, оформляя расчленённые узуальные единицы.

В §§ 4-6 проанализированы новообразования трёх периодов творчества Н. Моршена: раннего (книги «Тюлень» и «Двоеточие»), зрелого («Эхо и зерка-

ло») и позднего («Умолкший жаворонок») — всего **168** лексем, выявленных в результате сплошной выборки по всем стихотворениям указанных книг. Среди них представлены как потенциальные слова (**79** лексем, напр.: *азото-угле-вод*, *антивремя*, *астрокорабль*, *времениподобный*, *квазилирический* и т.п.), так и окказиональные (**68** лексем, напр.: *гореотуманный*, *диалексика*, *диалекосный*, *зигзагоголовомный* и т.п.); кроме того нами выявлены переходные случаи, которые нельзя однозначно отнести ни к потенциальным, ни к окказиональным новообразованиям (**22** лексемы, напр.: *белокнижный*, *равнобесцельность*, *смертоборчество* и т.п.). Большое количество окказионализмов (в т.ч. образованных нетрадиционными способами), хотя и уступает общему количеству потенциальных слов, свидетельствует об экспериментальном характере словотворчества Н. Моршена.

Среди окказиональных способов деривации у Н. Моршена нами было выделено четыре «нетрадиционных» способа, которые практически не вписываются в существующую словообразовательную систему литературного языка, но принадлежат либо русскому поэтическому языку в целом (как, напр., контаминация), либо исключительно идиостилию поэта:

I. Контаминация:

1) Чистая контаминация: а) с междусловным наложением, напр.: *говорирфма* ← *говор* + *рифма*, *словолшебник* ← *слово* + *волшебник*, *снеголый* ← *снег* + *голый* и т.п. (без усечения; 15 слов); *логиколдун* ← *логик(а)* + *колдун*, *формудогарифм* ← *формул(а)* + *догарифм*, *зелениточка* ← *зеле(ая)/зелень* + *ниточка* и т.п. (с усечением правой части; 6 слов); б) с перекрёстным наложением, напр.: *религирозный* ← *религи-озный* + *рознь*, *квассик* ← *классик* + *ква(с)* и т.п. (11 слов);

2) Контаминация + формант, напр.: *птициановый* ← *птицы* + *Тициан* + формант *-овый* и т.п. (3 слова);

3) Контаминация с усечением левой части + сложение: одно слово *антроположно-биоложный* ← *антрополо(гия)* + *биоло(гия)* + *дожный*.

II. Сращение с суффиксацией: *все-люди-братский*, *по-омутам-молчалинка*, *по-отмелям-журчалочка*, *порх-порх-перелеталовка* и *приветка-свежелисточка*.

III. Кумулятивная репликация — представлена тремя словами в стихотворении «Линии. Геометрия природы»: *Стала четырёхмерность — объёмностью синею // И доступной трёхмерному зрению вся. // Прорезают её перёкрестные линии, // Пере-пле-пере-та-пере-ю-щиеся <...> // Птицы и листва кружатся по-разному, // Но в их спиралях есть нечто и сходное: // Разнообразнообразнообразное // И однороднородное...*

IV. Фонетическая дефисированная трансформация — представлена четырьмя словами в стихотворении «Розовые очки»: *воп-роз*, *купо-розовый*, *папи-розовый*, *стое-розовый*.

V. Транслокация (термин генетики, предложенный для данного явления Ю.В. Линником) — представлена в стихотворении «Многоголосый пересмешник» двумя словами, полученными из двух узуальных сложных слов в результате обмена корневыми морфемами: *Заслышав трели реполова, // И козодоя стон глухой, // Он их смешает с полуслова: // Тут — козо-лов, там — репо-дой.*

Три последних способа стоят обособлено: каждый из них является поэтическим приёмом, выполняя текстообразующую функцию.

Нами прослежена динамика словотворчества Н. Моршена от раннего периода творчества к позднему. Так, в первой книге стихов Н. Моршена частота новообразований в четыре с половиной раза ниже, чем во второй. Обе книги принадлежат к раннему периоду творчества Н. Моршена. В «Эхе и зеркале» (т.е. в зрелый период) частота новообразований более чем в три раза выше, нежели в «Двоеточии», в «Умолкшем жаворонке» — в 1,4 раза ниже, чем в «Эхе и зеркале». Т.о., количество новообразований в текстах Н. Моршена от «Тюленя» до «Эха и зеркала» растёт в геометрической прогрессии, а затем стабилизируется, однако максимум словотворческой «насыщенности» приходится именно на «Эхо и зеркало», как самый экспериментальный и «формалистский» сборник поэта.

Кроме того, все новообразования трёх периодов творчества Н. Моршена проанализированы по шести параметрам:

1. По распределению потенциальных и окказиональных новообразований.

В зрелый период творчества Н. Моршена по сравнению с ранним среди его новообразований резко возросло количество окказионализмов (почти в четыре раза) и снизилось количество потенциальных слов (почти в два раза). Экспериментальное словотворчество в зрелый период творчества — одна из ярчайших черт его идиостиля. Позднее творчество Н. Моршена в меньшей степени ориентировано на словотворческий эксперимент. Возрастание количества переходных случаев свидетельствует о стремлении сблизить словотворческий эксперимент со словообразовательной системой русского языка, сделать его более органичным.

2. По частеречной принадлежности мотивированных единиц. Наблюдаются две тенденции в эволюции поэтического языка Н. Моршена: 1) возрастание доли существительных среди новообразований, 2) снижение доли прилагательных и глаголов, из чего можно сделать следующий вывод: словотворчество поэта со временем становится всё более предметным (субстанциональным) за счёт снижения атрибутивности и процессуальности.

3. По грамматической принадлежности мотивирующих единиц. Отмечена близость позднего периода Н. Моршена раннему, тогда как зрелый период резко выделяется на их фоне. С чем это связано, не берёмся судить. Колебания статистических данных, по всей видимости, свидетельствуют о неких малоисследованных механизмах языковой эволюции, определяющих изменчивость либо устойчивость идиостиля. Интересно возвращение поэта в позднем его творчестве к окказиональным образованиям, мотивированным предикативными единицами. Так, в ранний период Н. Моршен решается на создание лишь одного такого слова (*всёведьникчечумество*); в поздний период таких слов уже пять (см. выше сращение с суффиксацией).

4. По способам деривации. Отмечено три тенденции, действовавшие на протяжении всего творческого пути Н. Моршена: 1) происходит рост суффиксальных новообразований; 2) происходит сокращение сложных новообразований; 3) сокращение префиксальных и сложных новообразований происходит за

счёт появления окказионализмов, образованных нетрадиционными способами, причём их доля в зрелом и позднем творчестве практически одинакова.

5. По связи с той или иной стилистической сферой употребления: распределение слов здесь несколько условно и субъективно; точные стилистические характеристики собранных нами слов вряд ли возможны, поскольку чёткие стилевые изоглоссы между различными сферами употребления одного языка — явление хотя и системное, но не универсальное. От раннего к позднему творчеству поэта растёт доля новообразований, связанных с разговорной речью, что, возможно, свидетельствует о «раскрепощении» словотворчества Н. Моршена — о его приближении к «сниженной» разговорной стихии.

6. По компактности/дисперсности: мы определили словотворческую «насыщенность» текстов и «взаимотяготенье» новообразований в разные периоды творчества Н. Моршена. Так, в ранний период новообразования в основном одиночны (12 слов), в четырёх стихотворениях представлено по два новообразования, в двух — по три, и только в одном — четыре новообразования. В зрелом творчестве поэта по сравнению с ранним доля одиночных новообразований сократилась в три раза, зато здесь представлены пять стихотворений с четырьмя новообразованиями, два стихотворения с девятью новообразованиями («На выставке» и «Поэтический мутант») и одно стихотворение с 16 новообразованиями («Белым по белому»; В. Сечкарёв назвал его «настоящей оргией изобретательной силы в игре со словами»²¹). В «Умолкшем жаворонке» только два стихотворения, в которых более трёх новообразований (девять слов в «Ква-с» и 16 слов в «Райском утре»). Новообразования зрелого и позднего Н. Моршена выполняют текстообразующую функцию.

В дополнении к § 6 приведены пять новообразований «Новых стихов» Н. Моршена (1990-х гг.), не учтённые в основном тексте диссертации. Ввиду небольшого объёма данного раздела и разнородности его состава, он не составил цельной книги и отдельного периода в творчестве поэта. Все новообразования «Новых стихов» являются потенциальными словами.

§ 7 «Смежные со словотворчеством явления в идиостиле Н. Моршена» посвящён анализу таких ярких индивидуальных особенностей языка поэта, как лексические трансформации (**дефисация** — для Н. Моршена это одно из средств авторской актуализации внутренней формы слова, напр.: *Глян-ка: живо-кость, под-снежник, // Водо-сбор, боли-голов. // Чародейством перво-бытным // Занимается заря: // Небо стало оче-видным // Тлению благо-даря; недеривационное усечение*, напр.: *Верлен уверен, что слова // Должны чуть-чуть недогова...*), **формотворчество** (создание потенциальных форм узуальных слов: *крылатей, несбудущийся, розоперстей, крупнозернистей, заключительнейший*), образование **лексико-синтаксических окказионализмов** (одновременно функционирующих и как лексические, и как синтаксические единицы, напр., в стихотворении «Осень на пуантах»). Особый случай **лексико-синтаксического переразложения** представлен в стихотворении «Ухо и эхо»: *«На родине — счастье!» // — Народ... и... несчастье! // «На родине — воля!» // — Народ... и... неволя!* Данный приём («сдвиг») активно использовался русскими футуристами.

²¹Setschkareff, W. Указ. соч. — S. 260.

В § 8 «Фразеотворчество Н. Моршена» мы опираемся на классификацию фразеологических трансформаций, предложенную А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко²². Стандартных, системно обусловленных, семантических и структурно-семантических преобразований фразеологических единиц в идиостиле Н. Моршена не так много, и они обычно являют собой реализацию не одного, а сразу нескольких типов и моделей, напр.: *Здесь поколение за поколением // Сплошь наказание без преступления; Он не пропал, он вечно пан.* Гораздо чаще встречаются и, безусловно, несут бóльшую художественную нагрузку индивидуально-авторские (окказиональные) преобразования фразеологизмов, среди которых ведущим типом являются контаминированные единицы, напр.: *От альфы и до ижицы <...> Всё плавится и движется; ...Дабы воздушный замок твой // Построить на песке.* Важную роль в идиостиле Н. Моршена играют также окказиональные фразеологизмы, основанные на структурно-семантической (ролевой) инверсии, напр., в стихотворениях «Еретик», «Шиворот-навыворот» — в последнем ролевая инверсия выполняет текстообразующую функцию, которая достигается отдельным поэтическим приёмом — *кумуляцией* преобразованных фразеологизмов, взаимодействующих друг с другом на пространстве целого текста. Подобные стихотворения («Норма брака», «Воспаление зрительного нерва», «Сбившемуся с тропы») носят характер *фразеологических центонов*, напр.: *Не ходи к Магомету, мышей не рожай // И чужою не двигайся верой* (финальная строфа стихотворения «Моей горе»). Трансформация фразеологизмов у Н. Моршена может быть сопряжена и со словотворчеством (стихотворения «Розовые очки», «Ква-с», «Великосветский канон»).

Третья глава «Интертекстуальность в поэзии Николая Моршена» состоит из трёх параграфов, в первом из которых «**Основные проблемы теории интертекстуальности**» представлены теоретические и методологические основания дальнейшего исследования, кратко рассмотрены основные работы по теории интертекстуальности. Мы не придерживаемся постструктуралистской концепции универсальности интертекста, возникшей у Ю. Кристевой и развивавшейся в трудах Р. Барта, М. Риффатера, Ж. Женетта, М. Фуко, Ж. Деррида и др.

И в старом, и в новом литературоведении описано множество явлений, так или иначе связанных с интертекстом («чужим словом» в терминологии М. Бахтина, «текстом в тексте» в узком смысле, «вторичным текстом»), как-то: цитата, реминисценция, аллюзия, перифраз, центон, пародия, стилизация. В статье З.Г. Минц «Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока», привязанной к конкретному материалу, высказаны принципиальные соображения по данной проблеме и дана классификация цитат по различным параметрам, которой мы воспользовались при анализе интертекстуальности Н. Моршена. В монографии И.П. Смирнова «Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака» (Вена, 1985) — первой русскоязычной книге, целиком посвящённой интертекстуальным исследованиям, — особое внимание уделяется процессам смыслопорождения при т.н. «интер-

---

²² Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. 2-е изд. — М.: Русские словари: Астрель, 2005. — С. 17-35.

текстуальных операциях». А.К. Жолковский в книге «Блуждающие сны» (М., 1992) расширяет сферу применения «интертекстуального подхода», рассматривает типологию интертекста по крайней мере в двух аспектах: функциональном и референтном. Для Е.А. Козицкой («Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте». Тверь, 1999) принципиально важна амбивалентность цитаты как «свое-чужого» слова и её функциональная природа. В работе рассматриваются критерии классификации цитат, уровни цитирования и типологизируются тексты-источники. Н.А. Кузьмина («Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка». Омск, 1999) придерживается постструктуралистской концепции о всеобщности интертекста и пытается обновить всю филологическую (более того — всю гуманитарную) методологию на основе т.н. «синергетики», привлекая понятийный аппарат естественных наук. Большое практическое значение для нашей работы имеет классификация интертекстуальных элементов и межтекстовых связей Н.А. Фатеевой («Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов». М., 2000), расширяющая и дополняющая классификацию Ж. Женетта.

Привлекая разработки последних трёх исследовательниц (а также Г.В. Денисовой), мы выделяем следующие основные *функции интертекста*: 1) сигнальная (знаковая, или семиотическая); 2) репродуктивная; 3) смыслообновляющая (семантическая), имеющая особую художественную значимость; 4) ретроспективная, когда «цитирование не только отсылает к претекстам, но и само активно формирует интертекстуальные связи» (Козицкая. Указ. соч., с. 131); 5) текстопорождающая (или конструктивная) функция интертекста, проявляющаяся, по мнению Г.В. Денисовой, лишь в творчестве постмодернистов.

Для нас особую значимость имеет осознанность интертекста как художественного средства. Отсюда и авторская осознанность противопоставления «своего» и «чужого слова». В этом противопоставлении и создаётся эстетический эффект — *смысловое напряжение* (по М.М. Бахтину и З.Г. Минц). Кроме того, мы имеем дело не со всеобщим, безликим, абсолютным интертекстом, а с разными авторскими «Я», и от каждого отдельного автора зависят те принципы цитирования, те интертекстуальные элементы, которые он выбирает в соответствии со своими художественными задачами, и, чтобы разобраться в этих принципах, необходимо привлекать также некий биографический минимум: основные жизненные этапы, мировоззренческие установки, эстетические взгляды и т.п.

§ 2 «Принципы цитирования и интертекстуальные связи в поэзии Н. Моршена» представляет собой описание разнообразных проявлений интертекста у Н. Моршена. У Н. Моршена нет ни одного стихотворения «для печати», обращённого к поэтам-современникам или напрямую интертекстуально связанного с их творчеством (за исключением нескольких пародий, не вошедших в итоговые книги). Живую поэтическую среду ему заменила русская литература, в которой особо выделяется поэзия Ф. Тютчева, оказавшая несомненное мировоззренческое влияние на творчество Н. Моршена. В связи с проблемами «тютчевского интертекста» у Н. Моршена данный параграф разделён на две части.

Выбранный нами метод исследования — кропотливого «вычленения» интертекста — может быть чреват перегибами исследователя и интерпретатора и требует предельной осторожности в обращении с художественным произведением.

В § 2.1 «Тютчевский интертекст у Н. Моршена» анализируется два стихотворения Н. Моршена («Гроза» и «1943»), в которых упоминается само имя Ф. Тютчева (всего имён писателей в стихотворениях и эпиграфах к ним — 28). В стихотворении «1943», кроме атрибутированной цитаты из тютчевского «Цицерона», вынесенной в «ударную» концовку (...кто-то подчеркнул до дыр: // «Счастлив, кто посетил сей мир // В его минуты ро-ко-вые...»), наблюдаются и более глубокие связи с претекстом: данное стихотворение можно трактовать как пародийную аллюзию на текст Ф. Тютчева, поскольку образ «тощего итальянца» не только снижен и прозаичен, но и пародирует тютчевского Цицерона (чему способствует также стилистический диссонанс, сознательно введённый Н. Моршеном); сам претекст также содержит в себе цитату (из Цицерона). В разобранных стихотворениях преобладают важнейшие для творчества Ф. Тютчева темы: человек и природа, человек и время, человек и история. Так, «Гроза», отсылающая к «Весенней грозе» поэта-классика, в большей степени перекликается с его «ночной» лирикой, с «ночным» Ф. Тютчевым; «1943» обнаруживает серьёзные временные стяжения и напластования: державинская «река времён» и «колесница мироздания», чей бег в своё время увлёл и Ф. Тютчева, присутствуют в этих стихах как незримые герои.

В § 2.2 «Функционирование интертекста у Н. Моршена и Ф. Тютчева» рассматриваются сходства и различия в подходах к интертекстуальности у обоих поэтов. Для Ф. Тютчева, как установил Ю.Н. Тынянов, решающим оказывается поэтический опыт Г. Державина (важная фигура и для Н. Моршена, особенно позднего), присутствуют в его произведениях и цитаты из старших современников: В. Жуковского, К. Батюшкова, П. Вяземского, причём с последним интертекстуальные связи взаимны, часто полемичны. Со своими старшими современниками (однако, не входящими с ним в общий литературный круг) полемизирует и Н. Моршен: наиболее яркий пример — полемика с «парижской нотой» («Ты смотришь, как рушатся рощи...», «Ответ на ноту»). В тяжбу с А. Пушкиным вступает Н. Моршен в стихотворении «Послание к А.С.», пронизанном цитатами. Ф. Тютчев также полемизирует с А. Пушкиным на политические темы, только для Ф. Тютчева он современник, а Н. Моршен говорит с ним с высоты прошедших полутора веков. В стихотворениях Н. Моршена представлены цитаты из произведений А. Пушкина («Всё то, что мы боготворим...», «Стансы» с уникальным случаем синтетической цитации — из нотного текста оперы П. Чайковского «Евгений Онегин»: ... *Что день грядущий мне готовит...* // *(До-си-ля-соль-фа-ми-ре-фа...)*), О. Мандельштама («Не убежишь, хоть круть, хоть верть!...», «Былинка», «В отходящем, уже холодеющем дне...»), Н. Гумилёва («С вечерней смены сверстник мой...») и К. Батюшкова («Ещё до наступления морозов...») — в двух последних цитатах внутри текста в трансформированном виде повторяет эпиграф. Н. Моршен гораздо охотнее Ф. Тютчева пользуется эпиграфами. Однако при всём различии обоих поэтов следует признать, что интертекст используется ими совершенно

свободно, а цитатность является отличительной чертой их стиля — Н. Моршена в большей степени, т.к. «цитатность поэзии русского зарубежья, мышление литературными образами — один из способов сохранения культуры, в чём видела свою задачу российская эмиграция»²³.

В § 3 «Проблема взаимоотношения “своих” и “чужих слов” в качественно-количественном измерении» на материале поэзии Н. Моршена поднимается теоретический вопрос о природе связи между оригинальным авторским текстом и «чужим словом», о том, единицы какого уровня текста могут быть «своим» и «чужим словом» и чем можно измерить интертекстуальную «насыщенность» художественного произведения. Условным мериллом такой «насыщенности» был выбран центон, в котором количество «своего слова» сведено к минимуму. Так, вторая половина стихотворения Н. Моршена «Я свободен, как бродяга...» является образцом классического центона, соединяющего цитаты из стихотворений А. Хомякова, А.К. Толстого, М. Лермонтова, Г. Державина, А. Блока, А. Фета, Ф. Тютчева, А. Пушкина, песенки Л. Модзалевского. Стык авторского и центонного текстов практически незаметен, так как обе половины стихотворения связаны общей перекрёстной рифмовкой: *То ли в голос учат листья // Речи новые свои: // «Вы откуда собралися, // «Колокольчики мои?»*. Центонная часть отделена от предыдущего текста пробелом и заключена в кавычки, причём каждая цитата открывается со своих кавычек: этим подчёркивается их полигенетичность.

Несколько иначе проявляется центонность в стихотворении Н. Моршена «О звёздах»: эпитафия и цитата из анакреонтических стихотворений Г. Державина противостоят в нём пронизывающим авторский текст цитатам из М. Лермонтова, С. Есенина, А. Пушкина, Н. Гумилёва, М. Цветаевой, «накликавших» ими себе смерть, по мнению лирического героя Н. Моршена. Все цитаты вступают во взаимодействие на лингвистическом уровне, подвергаясь грамматической и ритмико-интонационной адаптации. Последнюю следует считать проявлением «своего слова» на суперсегментном уровне.

На суперсегментном уровне может быть представлено и «чужое слово», о чём неоднократно писали исследователи: Ю.Н. Тынянов — как об интонационной, или мелодической, пародии, М.Л. Гаспаров — о семантическом ореоле метра. Суперсегментная цитация обнаруживается в стихотворении Н. Моршена «По тропинке по лесной...», которое связано с пушкинским «Ворон к ворону летит...» ритмически, а также сюжетно (убитый богатырь и два убитых солдата; убиты непонятно кем), стилистически (ориентация на язык фольклора), лексически и синтаксически (*Кем убит и отчего... → Кто убил и почему...*) и количественно (оба стихотворения состоят из четырёх катренов). Основная интертекстуальная нагрузка лежит на звуковой организации стиха, причём зависимость одних интертекстуальных элементов от претекста выступает в связи с другими: ритм «тянет» за собой синтаксис, лексику, стилистические особенности, сюжетные ходы — и наоборот.

---

²³ [Кожевникова Н.А. Цитаты в литературе русского зарубежья // Литературный текст: проблемы и методы исследования: «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. — Вып. V. — С. 45.](#)

В **заключении** подводятся итоги и определяются перспективы исследования. Художественный мир Н. Моршена, рассмотренный нами через призму его индивидуального стиля, представляет несомненный исследовательский интерес как с тематической, идейной, образной стороны, так и в аспекте языкового эксперимента, который поэт последовательно проводил в своей поэтической практике, находясь в постоянном диалоге не только с читателем, но и с поэтами-предшественниками, что определило цитатный характер его поэзии.

Идиостиль Н. Моршена относится к числу **акцентуированных идиостилей**, т.е. таких, в которых индивидуальность особенно ярко проявляется лишь в небольшом количестве аспектов. Так, например, при значительном индивидуально-авторском характере словотворчества и интертекстуальности не отличается оригинальностью метрика и строфика Н. Моршена: в используемых стихотворных размерах он вполне традиционен, равно как и в рифмовке; кроме того, язык поэта характеризуется правильным синтаксисом, не допускающим «аномалий» вроде разговорных солецизмов, анаколуфов и прочих «поэтических вольностей». В качестве противоположного примера, т.е. идиостиля, чья индивидуальность проявляется практически во всех аспектах и на всех уровнях — назовём его условно **проявленным**, — можно привести идиостиль В. Маяковского: особую художественную значимость в его поэтическом языке имеют и метрика, и графика, и звукопись, и рифмовка, и разговорный синтаксис, и словотворчество, и достаточно широкая стилистическая амплитуда в выборе лексических средств. Наконец, идиостили, не проявляющие, условно говоря, необходимой степени индивидуальности хотя бы в одном аспекте — их можно назвать **непроявленными**, — обычно не попадают в поле зрения филологов, традиционно уделяющих мало внимания эстетически незначительным явлениям литературы. Выделение акцентуированных, проявленных и непроявленных идиостилей заставляет обращаться к такой малоисследованной проблеме, как типология идиостилей: для её всесторонней разработки необходимо сопоставление огромного материала по идиостилям разных авторов (прежде всего, поэтов), накопленного отечественной лингвистической поэтикой за несколько десятилетий.

Поэзия Н. Моршена в книге «Тюлень» находилась под очевидным влиянием Н. Гумилёва и акмеистической школы, с чем связана неоромантическая взволнованность лирического героя, осязаемость и наглядность внешнего мира, точность в передаче эмоций и в целом традиционная форма.

Экспериментальное начало в творчестве Н. Моршена возрастает в книге «Двоеточие». Поэт в полной мере открыл для себя наследие русских футуристов, М. Цветаевой и Н. Заболоцкого, увлёкся философией П. Тейяра де Шардена, с которой связана основная тема данной книги — преобразование природы через одухотворяющую деятельность человека, воспевание эволюции как целенаправленного процесса, упоение величием мироздания как в прошлом, так и в настоящем и в утопическом будущем. В книгу «Двоеточие» с триумфом начинает входить тема Слова — космического перводвижителя, чей образ отражён в человеческом языке, также заслуживающем обожествления, особенно высшая форма человеческого языка — поэзия. Во второй книге Н. Моршен приступает к синтезу научного языка с поэтическим. Активизируется и словотворческая

энергия поэта, возрастает количество новообразований, причём в основном это слова, принадлежащие научной и философской стилистической сфере. Первые две книги стихов Н. Моршена составили ранний период его творчества.

Идиостиль Н. Моршена зрелого периода (книга «Эхо и зеркало») характеризуется разнообразными и многочисленными экспериментами со словом: это, прежде всего, словотворчество, в котором начинает преобладать окказиональное словообразование, а также смежные со словотворчеством явления. Появляются палиндромы и новые жанровые формы, связанные с графическим и ритмико-интонационным оформлением стиха. При этом эксперимент Н. Моршена несёт значительную идейную и философскую нагрузку: все эти необычные формы служат уже не просто для выражения, а для прямого изображения связей между явлениями природы и системой человеческого языка, поэт наглядно демонстрирует существующий в мире изоморфизм материи и языка. Авторское воздействие на слово превращает «просто» поэта в поэта-исследователя, поэта-естествоиспытателя, поэта-«логиколдуна», по меткому выражению самого Н. Моршена.

Поздний период творчества Н. Моршена (книга «Умолкший жаворок») был мало представлен в литературной критике и практически не изучен. Подведение жизненных итогов у поэта связано с обращением к своему раннему творчеству, отдельные черты которого возникают в «Умолкшем жаворонке». Позднее творчество Н. Моршена в меньшей степени ориентировано на словотворческий эксперимент, чем зрелое.

В поэзии Н. Моршена интертекстуально представлена русская литература XVIII — первой половины XX вв. Из поэтов-классиков особую роль в его творчестве играет Ф. Тютчев, с которым его связывает обращение к темам хаоса и космоса, к идее трагизма истории, к поэзии XVIII в., особенно к Г. Державину, и восходящий к поэзии XVIII в. риторизм, рационализм. Сама цитатность, обилие аллюзий также объединяет Н. Моршена и Ф. Тютчева. Если поэзия Ф. Тютчева была актуальна для Н. Моршена на протяжении всех периодов его творчества, то значимость двух других поэтов разведена по разным полюсам временной оси: в раннем творчестве — Н. Гумилёв, в позднем — Г. Державин. Юношескому романтизму противостоит уравновешенный гедонизм и, кроме того, — философичность, стремление к рациональному постижению Бога, торжественность, соединённая с игривостью слога.

Дальнейшего изучения требуют традиции русского футуризма в творчестве поэта. Необходимо сопоставление идиостилей Н. Моршена и Л. Мартынова. Актуален вопрос о принадлежности поэзии Н. Моршена к постмодернистской парадигме и его роли в художественных поисках русских метаметафористов. Не выяснены подробности биографии поэта. Перед исследователем творчества Н. Моршена стоят также такие задачи, как поиск архива поэта, собирание его писем, рассеянных по частным собраниям и государственным архивам США и России, наконец, текстологическое изучение его поэзии, что сделает возможным критическое издание его сочинений, куда войдут как не публиковавшиеся в составе сборников, так и вовсе неизвестные стихотворения и переводы, в том числе прозаические. Перспективным также представляется дальнейшее изучение языковых механизмов цитации, построения центона и центонного текста.

Поэзия Н. Моршена — «светлая, жизнерадостная струя в литературе русского зарубежья»²⁴ — заслуживает не только дальнейшего всестороннего изучения в российской науке, но и внимания популяризаторов русской литературы, издателей и журналистов, преподавателей вузов и школьных учителей.

В **приложении** к диссертации даётся комплексный филологический анализ двух «азбучных» стихотворений Н. Моршена — «Азбука коммунизма» и «Азбука демократии», которые представляют собой своеобразное отражение традиции алфавитного акростиха.

Материал и основные положения диссертационного исследования отражены в следующих ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

1. [Грищенко А.И. Поэзия Николая Моршена в зеркале литературной критики русского зарубежья и России 1950–2000-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2008. № 3. – С. 37-44 \(0,6 п.л.\).](#)

2. [Грищенко А.И. Словотворчество и интертекстуальность в поэзии Николая Моршена: К вопросу об акцентуированных идиостилиях // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. – С. 84-87 \(0,3 п.л.\).](#)

3. [Грищенко А.И. Николай Моршен. Пуще неволи. Стихи: \[Рец.\] // Новый Журнал \(NY\). № 223. 2001. – С. 249-256 \(0,5 п.л.\).](#)

4. [Грищенко А.И. Возвращение: \[Рец.\] // Посев. № 7\(1486\). 2001. – С. 46-48 \(0,3 п.л.\).](#)

5. [Грищенко А.И. В поисках точки опоры \(Поэзия Николая Моршена\) // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения. Сб. научных трудов, посвящённый 60-летию проф. Агеносова В.В. — М.: Советский спорт, 2002. – С. 367-381 \(0,7 п.л.\).](#)

6. [Грищенко А.И. Ритмико-интонационный аспект принципа центонности в поэзии Николая Моршена \(на примере одного стихотворения\) // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых... — Материалы I межвузовской конференции молодых учёных. К 130-летию МПГУ. — М.–Ярославль: Ремдер, 2002. – С. 61-64 \(0,2 п.л.\).](#)

7. [Грищенко А.И. Образ славянской азбуки в современной поэзии как отражение традиции алфавитного акростиха \(На примерах стихотворений Н.Н. Моршена, Э.В. Лимонова, А.Н. Нитченко и др.\) // Актуальные вопросы изучения православной культуры: Материалы секционного заседания Всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие VII Кирилло-Мефодиевских чтений. Ч. IV. Вып. 2. — М.–Ярославль: Ремдер, 2006. – С. 84-96 \(0,6 п.л.\).](#)

8. [Грищенко А.И. Явление грамматической, семантической и фонетической адаптации при цитировании \(На примере стихотворения Н.Н. Моршена\) // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания \(Казань, 23-25 мая 2006 г.\): Труды и материалы: В 2 т. / Казань: Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – Т. 1. – С. 65-67 \(0,2 п.л.\).](#)

9. [Грищенко А.И. Центон и центонный текст в поэзии Н.Н. Моршена // Язык русской литературы XX века: Выпуск 3: Сборник научных статей / Под общ. ред. О.П. Мурашевой, Н.А. Николиной — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – С. 132-140 \(0,4 п.л.\).](#)

10. [Грищенко А.И. Трансформация фразеологизмов и паремий в поэзии Николая Моршена // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-ой Междунар. науч. конф. \(Белгород, 4-6 мая 2008 г.\): В 2 тт. / Отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. — Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. — С. 66-69 \(0,3 п.л.\).](#)

---

²⁴ [Агеносов В.В. Литература Russkogo зарубежья \(1918-1996\). — М.: Терра. Спорт, 1998. — С. 455.](#)